

К. Келли

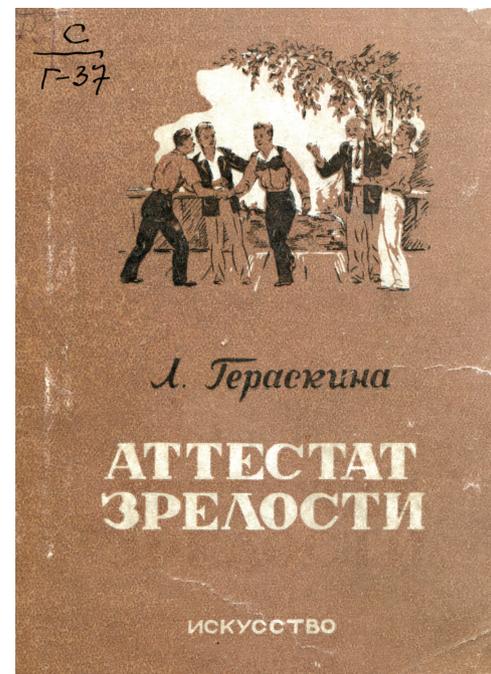
«В НАШЕМ ВЕЛИКОМ СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ТОВАРИЩ — СВЯЩЕННОЕ СЛОВО»¹.

*Эмоциональные отношения между детьми в советской культуре*²

В статье рассматривается, каким образом представления об эмоциях и эмоциональных отношениях (любви и дружбе) воспитывались в детях в советское время, преимущественно в сталинскую эпоху. Несмотря на то что самоконтроль считался предпочтительной моделью в поведении советских детей (как и взрослых), акцент на важности «счастливого» детства означал, что на практике кодекс поведения был более гибким, чем можно ожидать, основываясь на этом исходном положении. Считалось, что дети должны уметь как скрывать свои чувства, так и показывать их. Аналогичная ситуация складывалась и в области эмоциональных отношений (любви и дружбы). В конце 1930-х гг. тема «настоящей дружбы» играет все более значимую роль в текстах для детей; эта тенденция развивается и во время Великой Отечественной войны, и в послевоенные годы. В то время как «товарищество» (нейтральное и не основанное на общности интересов) считалось основной моделью отношений как среди детей, так и среди взрослых, детская литература и дидактические тексты для детей предлагали иные, в определенном отношении даже противоречащие ей, модели (как, например, в знаменитом романе В. Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи» 1947 г.). Кроме того, несмотря на то что отношение к любви во многом оставалось пуританским (ср., например, общий запрет на публичное обсуждение детской сексуальности или введение раздельного школьного обучения), необходимость наряду с этим пропагандировать брак привела к более терпимому взгляду на отношения между представителями противоположных полов и, в сущности, поощрению этих отношений как в литературе, так и посредством традиционных детских мероприятий, таких, как школьные вечера.

Ключевые слова: дружба, эмоции, история эмоций, детство, воспитание, детский быт.

В советский период надлежащее управление эмоциями становится государственной идеологией, которой сопутствует целый комплекс приемов для работы над собой, например, «закал» характера³. Можно пошутить, что это был «сталинский план преобразования природы человека», хотя на самом деле «закал» не поощрялся лично вождем или кем-либо на высшем уровне. Скорее, эта инициатива

Гераскина Л. Аттестат зрелости: пьеса в 4-х действиях 8 картинах / худож. В. Смирнов. М.: Искусство, 1951.

принадлежала среднему звену в советской идеологии и поддерживалась специалистами в области здравоохранения, например, экспертами по гигиене и психологами, и была направлена на массы советских людей в широком смысле (рабочие и крестьяне, а также интеллигенция). Воспитание стойких моральных качеств, таких, как самообладание, сила воли, смелость, а также способность переносить перепады температур должно было прививаться с детства — на самом деле, практически с младенчества, в соответствии со взглядами крупнейшего авторитета в области воспитания детей в ранний советский период Сперанского [Сперанский 1929, с. 129]. Образцовый ребенок с самого раннего возраста должен был уметь держать свои порывы под контролем, что хорошо иллюстрирует пример Зои и Шуры Космодемьянских. В биографии своих детей, которую их мать, Любовь Тимофеевна, написала при участии специалиста по педагогике Фриды Вигдоровой, она пишет:

И Зоя и Шура очень сдержанно, даже осторожно проявляли свои чувства. По мере того, как они подрастали, эта черта в характере обоих становилась все

определенное. Они как огня боялись всяких высоких слов. Оба были скупы на выражение любви, нежности и восторга, гнева и неприязни. О таких чувствах, о том, что переживают ребята, я узнавала скорее по их глазам, по молчанию, по тому, как Зоя ходит из угла в угол, когда она огорчена или взволнована [Космодемьянская, Вигдорова 1951, с. 113–114].

При таком взгляде на вещи потеря контроля не только расчищает дорогу к пороку, но и является пороком сама по себе: контроль и самоконтроль укрепляют друг друга⁴. Как я отмечала ранее⁵, подобное отношение было распространено и в культуре позднесоветского периода, а энциклопедия для родителей рассматривает самоконтроль как естественный результат взросления:

Ребенок взрослеет, у него накапливается опыт, он все больше и больше узнает о жизни, и многое из того, что способно было раньше удивлять и волновать, становится обыденным, привычным. А наряду с этим появляются новые, более высокие и сложные чувства. Участвуя в жизни коллектива, в общественно полезном труде, он все полнее осознает себя гражданином. Он гневно осуждает несправедливость, зло, горячо одобряет положительные поступки товарищей и окружающих [«Эмоциональность детей» // Кондаков 1967, с. 321]⁶.

В то же время цели полностью подчинить себе эмоции не ставилось. Так, взрослеющему ребенку все же позволительно не скрывать гнева, когда он порицает своих товарищей. В этом же ключе некоторые нормативные источники подчеркивали, что подавление эмоций — не самый лучший путь. В руководстве по воспитанию детей 1929 г. заявляется, что тихого, послушного, молчаливого ребенка необходимо показать врачу и излечить от этого патологического состояния [Бабина 1929, с. 7]. Даже в сталинскую эпоху, когда «дисциплина» определенно ожидалась от детей постарше, демонстрация чувств со стороны малышей была вполне простительна. В особенности это касалось радостных эмоций («веселье», «радость», «счастье»), которые считались прерогативой детей и несли элемент непосредственности: счастье рассматривалось как дар, как исключительное состояние, даже чудо. Конечно, то же относилось и к взрослым, однако, поскольку в 1936 г. «счастливое детство» стало государственным лозунгом, притом ассоциировавшимся непосредственно со сталинской властью, юные годы стали приравняться к состоянию счастья, которое сталинский лозунг 1935 г. «Жить стало веселее» обещал всем советским гражданам. Дети были на вершине блаженства; детство было исключительно счастливым этапом в существовании советских граждан⁷. Такие ассоциации в какой-то степени сглаживали или смягчали акцент на самоконтроле.

Неотъемлемой чертой советского воспитания детей было особое внимание к возрастным порогам. Педагогическая литература и

руководства для родителей выделяли различные этапы взросления, как правило, напрямую соотносящиеся с разрядами образовательных организаций: ясельный возраст, дошкольный возраст, младшие школьники, старшие школьники. В контексте российской истории такая дифференциация по возрасту была в новинку. Православное богословие не разграничивало четких этапов развития ребенка, хотя такие этапы иногда подразумеваются в утилитарных целях. Так, в 1908 г. Сенат предложил разрешить детям до 14 лет переходить из православия в лютеранство, если их родители меняли веру [Dixon 2004, с. 62]⁸. И в обыденной православной практике широко признавалось, что ребенок, еще не научившийся говорить (и смеяться), не может совершить греха [Байбурин 2005, 386, с. 389]. С другой стороны, в католическом богословии после контрреформации было принято считать, что начиная с семи лет ребенок уже в состоянии разумно мыслить (и потому именно в этом возрасте обычно проводился обряд Первого Святого Причастия), а несколько менее четко определенный возраст, знаменующий достижение половой зрелости (где-то между двенадцатью и четырнадцатью годами), понимался как порог, за которым становился возможным смертный грех, следовательно, как возраст, когда ребенка можно подтвердить (в католическом смысле, то есть осуществить помазание елеем, проверить на знание катехизиса, и так далее⁹). В советской учебной практике и рассуждениях о детях вообще термины «дошкольники», «младшие школьники» (с восьми, позднее — с семи лет), «старшеклассники» (примерно с тринадцати лет) тесно перекликались с градацией по возрасту, принятой в католицизме; то же относится и к возрастному разделу между пионерами и комсомольцами (где-то между 12 и 14 годами, в зависимости от периода советской истории).

В свою очередь, представление, что счастье (ознаменованное непосредственностью и теплотой) было привилегией детей, существенно повлияло на изображение эмоциональных отношений и на нормативные предписания к таким отношениям, как дружба — теме, которой преимущественно и посвящена данная статья. Господствующее понимание дружбы как инструмента контроля в коллективе (как в процитированном выше описании из энциклопедии 1967 г.: «горячо одобряет положительные поступки товарищей и окружающих») не исключало других, подчас противоречивых интерпретаций социального института дружбы. И теоретические дискуссии, и практические руководства (например, предлагаемые учителями) имели целью не только исправлять и регулировать поведение детей, но и пытались понять его особенности и действовать согласно с ними.

Такой подход показывает, что советская идеология и практика воспитания детей, особенно в послевоенные годы, основывались на сложном взаимодействии идей постромантизма о «естественном» детстве и идеологий с меньшей долей терпимости, имеющими целью создание из детей граждан¹⁰.

ГРАНИЦЫ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как уже ранее отмечалось другими исследователями, например, Олегом Хархординым [Хархордин 2009], советские источники проводили четкое разграничение между дружбой в смысле «товарищество», то есть способностью к партнерским отношениям с различными членами коллектива на основе нейтральности и личной незаинтересованности, и более опасным типом отношений, который иногда обозначался как собственно «дружба», иногда другими словами; в основе последнего лежат принципы исключительности и личные интересы, что делает такую дружбу опасной и угрожает социальной атомизацией. Из сказанного следует, что половая любовь, которая (в общепринятых представлениях, вроде тех, которые развивали большевистские теоретики) неизбежно дуалистична, воспринималась с еще меньшим одобрением¹¹. Стандартное определение, данное в Толковом словаре Ушакова 1940 г., определяет дружбу исключительно в «социальном» плане; «любовь» же получает иерархически упорядоченное определение, в котором половая любовь занимает низшую ступень. «Товарищество» и «дружба» определяются сходным образом, причем и то, и другое соотносятся с нейтральными понятиями «близости» и «привязанности»¹². Словарная статья на слово «любовь» значительно подробнее; в ней превосходство отдается не чувственным, абстрактным эманациям этого чувства: «чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. Любовь к родине. Такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости. Братская любовь. Любовь к людям. Такое же чувство, основанное на инстинкте. Материнская любовь». Половая любовь упоминается лишь в качестве второго, то есть *вторичного* значения, причем порядок примеров употребления слова в языке подчеркивал опасность такой разновидности данного чувства: «Такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. Несчастливая любовь». Необходимо признать, что на втором месте среди приведенных примеров языкового употребления стояла «счастливая любовь», однако

Губарев В. Г. Дружба / рис. И. П. Котовщиков. Тюмень: Обл. изд., 1952.

«неразделенная любовь» и «платоническая любовь» шли следом. Дидактический посыл редакторов не оставлял сомнений.

В каких-то маргинальных аспектах Словарь Ушакова был весьма «физиологичен» и соответствовал духу 1920-х гг. Например, слова «любовник» и «любовница» помечались как «устарев.-неодобрит.». В более поздних словарях от подобной классификации откажутся. Однако различие между «дружбой» и «товариществом» (равно как и между «товарищескими отношениями» и «приятельскими отношениями»), с одной стороны, и между «дружбой» и «любовью» — с другой, было характерно и для 1930-х, и для 1940-х гг. Реабилитация личных отношений в конце 1930-х не помогла восстановить или заново создать доброе имя эротической любви, не скрепленной семейными узами, оставив ее непозволительной до такой степени, что и упоминать ее было практически невозможно (в советских фильмах сталинского периода любовниц имеют только вредители и шпионы, а также некоторые другие асоциальные типы)¹³.

Перемещение «дружбы» в самый центр в качестве основной категории личных отношений было отмечено во втором издании Большой советской энциклопедии. В ее первом издании ни одно из таких понятий, как «дружба», «любовь», «товарищество» не заслужило отдельной статьи, тогда как во втором словарную статью получила только «дружба». К тому времени она уже стала украшением и определяющей чертой советского общества:

В эксплуататорском, классово-антагонистич. обществе частная собственность, конкуренция, жажда наживы порождают в среде господствующих классов волчьи нравы, ненависть и вероломство. Отношения подлинной, бескорыстной Д. складываются там лишь в среде эксплуатируемого большинства, в среде передовых людей, в ходе борьбы за прогрессивное развитие общества. В социалистическом обществе, где ликвидированы эксплуататорские классы, сложились новые отношения между людьми — отношения дружественного сотрудничества и взаимопомощи. В советском коллективе, объединенном единой целью построения коммунизма, развивается подлинная дружба между людьми [Большая советская энциклопедия 1952, Т. 15, с. 238].

Таким образом, на первый план в советском обществе выходит один специфический тип дружбы, берущий начало в «борьбе за общее дело». В основе его лежит «высокая идейность». Образцовым воплощением такой дружбы, как говорится далее в статье, были отношения между Марксом и Энгельсом или между Лениным и Сталиным. В то же время необходимо четко осознавать, что общественный и политический долг был важнее даже этого достойного и советского по самой своей сути чувства:

Коммунистическая нравственность отвергает беспринципную Д., оправдывающую во имя сохранения «дружеских» отношений антипатриотические проступки, нарушение гражданского долга, правил социалистического общежития. Подлинная Д. требует прямоты в отношениях, объективной оценки поступков друзей, принципиальной критики и самокритики. Советский человек обязан честно и прямо вскрывать ошибки своего друга, помочь их исправить и предотвратить их в будущем [Большая советская энциклопедия 1952, Т. 15, с. 238].

Иными словами, определение «дружбы» давалось апофатически, то есть через отрицание: «дружба» *не* должна быть связью между двумя или более людьми, которая угрожала бы более значимым ценностям советского общества¹⁴. В годы войны такое понимание дружбы, не основанной на духовном родстве, достигло своего апогея: культивируемая здесь дружба должна была вносить вклад в победу в борьбе с фашизмом и представляла собой слаженное сотрудничество товарищей по оружию. К образцам такой дружбы относили Александра Матросова (который закрыл своим телом амбразуру, чтобы спасти товарищей) и, разумеется, группу молодых партизан из романа Фадеева «Молодая гвардия».

Подобное представление «дружбы» основывалось на традиционном понимании этого слова как обозначающем гармонию, отсутствие конфликта. Существовало сходство в различии между «дружбой» и «враждой»; если играть в популярную игру со словами, когда изменяя по букве из одного слова получаешь другое, выходит, что «друг» и «враг» отстают друг от друга всего на два шага (они гораздо ближе друг к другу, чем английские «enemy» и «friend»)¹⁵.

Вместе с тем, в конечном итоге советские представления о добродетельных и вредоносных личных отношениях (как и расклад эмоций в официальной советской культуре в более общем смысле) были скорее универсальными и интернациональными, чем берущими начало в народной культуре. Обсуждение оппозиции между хорошей и плохой дружбой можно проследить, по меньшей мере, до Аристотеля, чье загадочное сетование «Друзья мои, нет друга!»¹⁶ было впоследствии включено в знаменитый трактат Монтеня [Montaigne 1969, с. 231–242], посвященный дружбе корыстной и духовной. Идеальная дружба здесь начинается заочно, с ознакомления одного с философской позицией другого — в данном случае Этьена де Ла Бозе, трактат которого послужил началом его с Монтенем дружбы и кто впоследствии оставил Монтеню свою библиотеку. Назидательная литература поддерживала такое разделение. Впрочем, порой она частично разрушала его предположением, что рациональная, без личной привязанности дружба является лучшим помощником на пути к преуспеванию (то есть что существуют и убедительные причины эгоистического характера поддерживать такой тип отношений). Например, Бальтасар Грасиан-и-Моралес, автор классического образца этого жанра «Карманный оракул, или наука благоразумия» («El oráculo manual y arte de prudencia»), изданного в 1647 г. и переведенного на русский в 1742, наставлял читателей выбирать друзей по их благосостоянию, или, как гласил русский перевод, «от счастливых пользуетца, а от безщастных убежать» (правило № 31). В свою очередь, правило № 40 Грасиана наставляло ориентировать себя на достижение всеобщего расположения, а не искать тесных отношений с избранными индивидами: «У всех любовь получить» [Грациан 1742, пр. 31, 40].

Если разделение между «чистой» и «сомнительной» дружбой имеет долгую историю, то дихотомия дружба/любовь возникла не столь давно (если, конечно, не рассматривать как предвестник «дружбы» в нашей дихотомии тип асексуальной любви, о котором Диотима говорит Сократу в платоновском «Пире»¹⁷). В эпоху Просвещения тема эта широко прорабатывалась в литературе, обучающей нормам поведения. Например, мадам де Ламбер в своем «Traité de l'amitié» [Lambert 1736] [Ламбер 1777] полагает, что «femmes d'une caractère raisonnable» (благоразумные женщины) будут стремиться к платонической любви, а не к чувственности и флирту. Подобные рассуждения предлагались и в книгах, рассчитанных на мужчин. Так, в «Conseils d'un ami à un jeune homme qui entre dans le monde» Грабинского, изданных в Берлине в 1760

и переведенных на русский уже в 1765 г., признавалась (в духе той эпохи) польза от проведения времени в обществе дам для воспитания молодого человека:

Обхождение с прекрасным полом может иметь хорошее и худое действие. Но должно ли присоветовать его молодому человеку? Сказывают, что сие обхождение делает наш пол учтивым, а подает ему известную нежность духа и вкуса, которая, как объявляют многие, есть преимущественный дар женщины. Это может быть правда, когда обходятся с женщиною хорошего воспитания, а имеющая разум, премудрость и добродетель. [Грабинский 1765, с. 34–35]

Однако этот осторожный совет учтвого обращения с женщинами сопровождается строгим предостережением не искать у них любви: «Любовь есть идол, который ничего иного не требует, кроме беспорядка и греха, в жертву [курсив автора. — К. К.]» [Грабинский 1765, с. 34–35].

В то же время, признавая неоригинальность советской системы ценностей и ее происхождение из идей Просвещения — как в данном конкретном случае, так и в других — нельзя (это относится и к другим областям советской идеологии частной жизни) переоценивать значение исторической преемственности. Важно отметить, что сама советская пропаганда стремилась как раз *не* привлекать внимания к долгой истории провозглашаемых идей. Скорее подразумевалось, что советская идеология опиралась исключительно на таких дореволюционных авторов, которых можно назвать «прогрессивными» и «радикальными», однако такое определение уж никак не относилось к писателям вроде Ламбер, Фенелона и бесчисленных анонимных авторов нравоучительной литературы эпохи Просвещения. Что же касается пропаганды для детей, где старались не злоупотреблять даже цитатами из классиков марксизма-ленинизма, то здесь открытое цитирование других авторитетных источников встречается исключительно редко. Таким образом, пропаганда, которая впитывалась детьми, подавалась как нечто единственное в своем роде; исключительность советской морали должна была стать (а часто и становилась) источником патриотизма сама по себе.

В любом случае, в понятии «дружба» присутствовали определенные типично советские нюансы, среди которых — термин «дружба народов». Словарная статья, посвященная этому термину во втором издании Большой советской энциклопедии, более чем в три раза превосходит статью о собственно «дружбе» и снабжена обширной библиографией. Термин «дружба народов» прослеживается в ней до речи Сталина, которую он произнес перед колхозниками Тад-

жикистана и Туркменистана 4 декабря 1935 г., а в более широком плане опирается на политику терпимости, равноправия и отеческой заботы (где цементом, скрепляющим «дружбу народов», выступает «бескорыстная помощь» русского народа другим нациям) [БСЭ 1952, с. 238–239]. Новый лозунг используется в государственном гимне СССР 1943 г. («дружбы народов надежный оплот»), а аллегория «дружбы народов» остается в силе и после войны: в речи, произнесенной в апреле 1948 г., Сталин возвращается к двум принципам — равенства и различия, которые лежат в основе «дружбы». Различие видится здесь как гарант равенства:

Советские люди считают, что каждая нация, — все равно, большая или малая, — имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. <...> В этом смысле все нации — и малые, и большие — находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации [Сталин 1948]¹⁸.

Другими словами, в этом официальном значении «дружба» прежде всего опиралась на сохранение суверенности на одном уровне и иерархических ценностей на другом: все нации равны, но величина их тем не менее тоже имеет значение. Такой тип «дружбы» напоминает то, что в других идеологических системах называли бы «братством» народов; смысл же использования термина «дружба» заключался в том, что таким образом можно было сохранить понятие этнических различий (как и культурных различий на базе различий этнических) и незаметным образом ввести в обиход идею исконной национальности¹⁹. В то же время, «дружба народов» также формировала и особое представление о дружбе как об официально санкционированной и публичной связи, а не как о выражении внутреннего чувства, и как о союзе, основанном на требованиях общего блага вообще, без учета личных интересов.

«ТАКАЯ НУЖНА ДРУЖБА!»: ДРУЖБА И ТОВАРИЩЕСТВО В ДИДАКТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Советская пропаганда для детей была сознательно и целиком построена на эксплуатации моделей, предназначавшихся взрослым. То же относится и к материалу, касающемуся эмоций и личных взаимоотношений. В то же время, хотя стандартные оценочные схемы для эмоциональных отношений и были заимствованы, иногда они подгонялись в расчете на детей, причем весьма существенно. Представляется, что начать все же лучше со сходства, поскольку свидетельства такого сходства легче найти и они более очевидны.

Как и в пропаганде для взрослых, противопоставление «хорошая дружба/плохая дружба» было господствующим, причем первый существенный импульс это противопоставление получило в 1930-х гг. (примерно в то же время, когда начала распространяться идеология «дружбы народов»). В то время детские журналы изобиловали материалами о «дружбе». Например, в центре рассказа Елены Ильиной, опубликованного в ленинградском журнале «Костер» в 1936 г., оказывается своеобразный треугольник — отношения трех девочек, Наташи, Тани и Марины. Напряжение, вызванное Наташиной ревностью к Таниному восхищению новой подругой Мариной, в конечном итоге приводит к разрыву их отношений, к большому огорчению Наташи («Как грустно терять друга», — печально признается она) [Ильина 1936, с. 98–102].

Подчеркивание опасности чрезмерно близких отношений типично для того времени; несколько различных публикаций 1938 г. на тему дружбы придерживаются той же линии. Например, общая статья некоего М. Балана усердно доказывает пользу дружбы как эмоциональной связи, но только в том случае, когда ее направляют в нужное русло:

Дружба тоже хороша, когда те, кто дружит, поднимаются на высшую ступень развития, делаются лучшими, вырабатывают в себе такие черты характера, которые должны быть свойственны человеку нового, коммунистического общества, а именно: должны быть честны, отважны, любить свою родину, вооружены знанием.

Вот если дружба способствует этому, тогда она себя оправдывает. Вот такую дружбу нужно приветствовать [Балан 1938, с. 73].

Другие публикации «Костра» за тот же год дополняют картину, объясняя читателю, что есть «нужная», а что — «ненужная» дружба. Дружба считалась пагубной, если она подрывала моральные устои всего коллектива: ярким свидетельством служит случай, когда одноклассники сплотились и устроили бойкот девочке, которая пожаловалась учителю на нарушение порядка со стороны некоторых мальчиков [Разве в этом дружба? 1938, с. 72]. Однако в ряде других контекстов дружбу рассматривали положительно. Как ни удивительно, одним из таких контекстов были отношения между мальчиками и девочками.

Над Лидой — героиней рассказа о школьной жизни, напечатанного в «Костре» в 1938 г., одноклассники издевались из-за ее дружбы с Юрой — мальчиком ее возраста («между девчонкой и мальчиком не может быть настоящей дружбы»). Однако один из мальчиков поддерживает Лиду, уверяя, что дружба между мальчи-

ками и девочками возможна, если понимать, что они — «разные товарищи», и Лида воспринимает это не как непреодолимое препятствие, а как вызов. Таким образом, сначала вопрос различий между полами в отношениях между Лидой и Юрой разрешается, главным образом, тем, что эти различия игнорируются. В рассказе присутствует несколько сюрреалистическая деталь, которая вряд ли смогла разубедить кого-либо из читателей-мальчиков, опасующихся, что дружба с девочкой подразумевает сюсюканье, — Лида ласково называет друга Матильдой. Однако впоследствии Лида становится заложницей стереотипов своих ожиданий: когда Юра отказывается реагировать на провокацию и ввязываться в драку, она отвергает его, считая «трусом». Правда, в конце концов, все счастливо разрешается, когда Юра, сам рискуя обморозиться, спасает ее после несчастного случая на лыжной прогулке: получив нежное письмо от своего «верного друга», Лида чувствует себя самой счастливой девочкой на свете [Бродская 1938, № 6, с. 33-44; Бродская 1938, № 7, с. 38-48].

Отношения между девочкой и мальчиком, которые становятся все более похожими на «любовь», но все же не переходят границу и не перерастают в нее, представлялись особенно возвышенной формой позволительной «дружбы», которая требовала от обеих сторон избавления от предрассудков ради высших идеалов. Мальчикам нужно было отказаться от представления, что «у девчонок на уме одни тряпки и бабские разговоры» [Бродская 1938, № 6, с. 41], а девочкам приходилось приспосабливаться к тому типу мужского поведения, которое не включало в себя таких «отсталых» занятий, как драки (и поощрять его).

Как и в случае «взрослого» материала, культ «бескорыстной дружбы» достигает своего апогея в годы войны²⁰. Например, рассказ Павла Журбы «Друзья», напечатанный в блокадном Ленинграде в 1942 г., повествует об Иване Крамчуке и Иосифе Гофмане — живом воплощении «дружбы народов» и партизанской доблести. Эти двое были отобраны из множества рвущихся в бой кандидатов на особо опасное разведывательное задание, пробирались через болота и мхи, однако по зову долга без сожаления расстались. «Мокрые от пота и болотной воды, друзья обнялись и, не оглядываясь, разошлись в разные стороны». История заканчивается трагически: немцы медленню разрубает Иосифа на куски; когда Иван узнает об этом, он торжественно клянется отомстить. «— Гады! — яростно кричал Иван: Пошады вам не будет! Горло буду вам грызть за разор моей

Губарев В. Г. Павлик Морозов. М.-Л.: Молодая гвардия, 1953.

страны, за черную мою печаль, за друга!» [Журба 1942, с. 8] Характерно, что дружба как чувство воспринимается здесь как само собой разумеющееся: как при браке по расчету, двое в этих отношениях охотно принимают партнера, которого не выбирали. Понятие дружбы как выражения личной привязанности и интересов исчезло даже в качестве отрицательного примера — противоположности идеальному образу дружбы, какой она *должна* быть.

Однако в конце 1940-х гг. тема дружбы возвращается в детские журналы, а педагогическая литература начинает уделять значительное внимание обсуждению норм дружеских отношений. Поводом к дискуссии, очевидно, послужили выступления Калинина о «коммунистическом воспитании», в 1947 г. собранные в один том, включающий различные наставления по поводу важности бескорыстной дружбы [Калинин 1947]. Как и в других случаях смещения в идеологическом восприятии, официальные трактовки жизни Павлика Морозова, которые периодически подправляли, чтобы образ мальчика оставался соотносимым с все новыми поколениями пионеров, отдавали должное этой тенденции. В книге о жизни Павлика, изданной Виталием Губаревым в 1947 г., появляется дружба, о которой ни слова не было сказано в более ранних версиях этой истории. Речь идет об отношениях Павлика с его двоюродной сестрой Мотей, которая в рассказе Губарева описывается как одна из немногих в его деревне, кто разделяет решимость Павлика бороться за будущее и его преданность делу. В сцене, характерной для дет-

Губарев В. Г. Павлик Морозов. М.-Л.: Молодая гвардия, 1953.

ской литературы того времени, Павлик и Мотя вынуждены стойко выдерживать глупые нападки на их дружбу («Жених и невеста!»), но все равно остаются друзьями [Губарев 1949, с. 51]²¹.

Поощряемая модель дружбы — это открытое сотрудничество, но ни в коем случае не тайный сговор; наилучшим образом такая дружба проявляется в хорошо контролируемой обстановке, например, в школе, в парке культуры и отдыха или на спортивной площадке. Так, в песне «Дружба» Н. Найденовой и С. Булатова подробно разъясняется интеллектуальная и нравственная польза от того, что вы приобретете друга таким образом:

Если есть товарищ,
Веселей учиться,
Веселее вместе
По лесу гулять,
Книжкой интересной
Можно поделиться,
Вместе посмеяться,
Вместе почитать.

(Припев): Слава дружбе нашей пионерской,
Помогает нам она во всем,
Слава дружбе радостной и светлой,
О которой песню мы поем!

С другом ты решаешь
Трудные задачи,
С ним бежишь к реке.

С другом веселее
 На футбольном матче,
 В Доме пионера,
 В парке, на катке.
 (Припев)

Подчеркнув, что друзья всегда придут на помощь «в горе и беде», песня призывает детей хранить свои отношения и в будущем: «Дружбу золотую / Сохрани на годы». Заканчивается песня рассуждением по поводу роли искренности в дружбе:

Будь правдив и честен,
 Не криви душою,
 Другу даже в шутку
 Никогда не лги.
 Дорожи сильнее
 Дружбою большою,
 Дружбу золотую
 Крепко береги.
 [Найденова, Булатов, 1947, № 6, внутр. обложка]

Неназванным антагонистом отношений, воспетых в песне, была, конечно, «сомнительная», не имеющая ценности дружба, позволяющая или даже поощряющая ложь, слабость характера, а также любого рода скрытность и действия исподтишка. Как можно предположить, такая дружба возникла в социальном пространстве, не упоминающемся в песне, прежде всего, на улице и во дворе, который с начала 1920-х гг. (равно как и до Революции) представлялся логовом «безнадзорных» детских компаний и рассадником среди ребят таких непозволительных совместных занятий, как курение, выпивка и драки²².

Официальным представлением о «правильной» дружбе — как и в случае отношений, касающихся взрослых — соответствовало представление официальных отношений как идеальной формы дружбы. Например, предполагалось, что дети считают своих учителей и одноклассников лучшими друзьями²³. Предполагалось также, что одни группы ребят будут «дружить» с другими аналогичными группами: таким образом, «дружба народов» была в миниатюре воспроизведена в «дружбе» между классами школ из разных союзных республик (как правило, это были школа из Москвы, которая представляла центр, и одна из школ с «периферии» в национальном и географическом отношении)²⁴. Детей также поощряли «дружить» с различными представителями сил правопорядка: к примеру, в 1930-е гг. была организована группа «Юных друзей советских пограничников». Также популярно было и представление другого вида четко иерар-

хизованной и эмоционально контролируемой формы дружбы — дружбы между человеком и животными. Идеальной формой такой дружбы, таким образом, была бы дружба советского пограничника со своей собакой, или группы пионеров и пограничника, или даже группы пионеров и собаки пограничника²⁵.

Вместе с тем, в детской литературе встречались и более интересные описания дружбы, на наш взгляд, они были интереснее, чем описания дружбы в литературе соцреализма для взрослых. Два произведения середины 1930-х гг., ставшие классикой детской литературы — «Белеет парус одинокий» [Катаев 1936] и «Золотой ключик» [Толстой 1936] — посвящены довольно сложным типам дружеских отношений: правда, они редко подвергаются испытаниям из-за серьезных расхождений во взглядах героев, не говоря уже о ссорах, однако друзей испытывают *общие* напасти (в отличие от испытаний, выпавших на долю каждого в отдельности в военных рассказах). Еще одно классическое произведение для детей — повесть Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» 1940-го года [Гайдар 1941] — так же ставит дружбу — обобщающего характера, ориентированную на всю группу — в центр повествования. В документальной прозе (очерк) понимание института дружбы было так же более широким, чем то представление, которое порождала обычная для дидактических текстов модель «хорошая дружба/плохая дружба». Например, статья в сборнике, предназначенном для инспекторов детских домов, описывала несколько различных видов дружбы одновременно:

Обычная дружба на основе совместного приготовления уроков, совместного чтения и т. п. углубляется часто и чувствами взаимной привязанности между детьми [Геллер 1941, с. 66].

В данном тексте соединяются два в корне различных взгляда на дружбу: с одной стороны, «взаимопомощь», а с другой — эмоциональная близость, «взаимная привязанность». Дружба, таким образом, понимается не только как универсальный социальный институт, но и как явление, дающее эмоциональное удовлетворение. Возможная при таком взгляде угроза неподобающего индивидуализма далее в тексте устраняется заверением, что дружба доставляет эмоциональное удовольствие, и когда за ней наблюдают со стороны: так, отношения между старшими и младшими воспитанниками детского дома называются здесь «трогательными» [Геллер 1941, с. 66]. Тем не менее, однако, понимание, что дружба не сводится к некоему абстрактному «товариществу», закралось в литературу. К концу 1940-х гг. начинают появляться все более сложные опи-

Осеева В. Васёк Трубачёв и его товарищи / рис. Н. Петровой. М.-Л.: Детгиз, 1947.

сания эмоциональных и нравственных переживаний и ловушек, которые таит дружба. Например, роман Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки» [Кассиль 1944] рассказывает о группе ребят в провинциальном городке, которым удается даже — с данным задним числом разрешением местного партийного руководства — организовать собственное тайное общество. Однако наиболее интересным для наших целей представляется чрезвычайно популярный роман Валентины Осеевой 1947 г. «Васёк Трубачёв и его товарищи», где границы между попустительной и непустительной дружбой не только оказываются в центре внимания, но и ставят под сомнение.

Сюжет «Васёк Трубачёв» вращается вокруг того, что строгий, но справедливый новый учитель мальчиков Сергей Николаевич (ходячий стереотип)²⁶ — называет (перефразируя привычную терминологию) «ложным товариществом». Как он заявляет, «есть прямое, честное, пионерское товарищество и есть мелкое, трусливое, ложное выручателство» [Осеева 1978, с. 200]. Герои книги, наиболее явно заслуживающие порицания — мальчики Мазин и Русаков, связаны отношениями, которые с самого начала основаны на «выручателстве»: в начале романа Мазин спасает Русакова от взбучки со стороны его строгого отца, взяв вину за разбитое окно на себя. В дальнейшем неоднократно совершается обычный для школы проступок: подсказка²⁷. А затем имеет место и более серьезное на-

Осеева В. Васёк Трубачёв и его товарищи / рис. Н. Петровой. М.-Л.: Детгиз, 1947. Рис. к главе 5 «На пруду» и главе 18 «Срыв».

рушение порядка: на уроке Мазин прячет кусок мела, чтобы отвлечь внимание во время проверки домашних заданий — так он надеется спасти приятеля от публичного унижения и плохих отметок, когда подойдет его черед отгарабанить выученную домашнюю работу.

Однако такая явно предвзятая «дружба» — не единственный тип отношений, который автор книги подвергает критике. Дружба между самим Васёком и двумя его ближайшими товарищами, Булгаковым и Одинцовым, также показана как потенциально опасная. Трое друзей слишком замыкаются друг на друге, отдалаются от коллектива и слишком охотно пускают личные чувства в сферу общественного. Им даже хватает дерзости спросить учителя, можно ли им сидеть рядом на уроках:

- Дружить втроем? — переспросил учитель. — Разве ваш класс делится на такие дружные тройки? А остальные в счет не идут?
- Да нет, мы просто друзья... ну, закадычные, что ли, — пояснил Одинцов.
- Допустим, что вы закадычные друзья. Это очень хорошо, но усаживаться со своей закадычной дружбой на одну парту — это совершенно лишнее. Я не разрешаю! — твердо сказал Сергей Николаевич [Там же, с. 98].

В первый раз термин «закадычные друзья» используется в романе по отношению к Мазину и Русакову [Там же, с. 41], связь между которыми оценивается резко отрицательно. И вот отношения, которые Трубачёв и его друзья называют так же, тоже оказываются небезупречными, хотя и совсем не в том смысле, в каком не одо-

бруется связь между Мазиным и Русаковым. Когда план Мазина и Русакова сорвать урок приводит к неприятностям для Трубачева (на уроке они прячут мел, который Трубачев положил у доски во время своего дежурства по классу), Трубачев тут же набрасывается на старосту класса и издевается над ним, и на время сам становится озлобленным изгоем.

Дружба как отношения в замкнутом кругу избранных представляется несовместимой с гармоничным существованием в более крупном коллективе. И в самом деле, отношения Трубачева с самыми близкими друзьями должны подвергнуться «очищению», прежде чем эти отношения получат право на дальнейшее существование. Одинцов резко осуждает поведение Васька в стенгазете, и такое предательство «товарищества» приводит в шок некоторых его одноклассников. В свою очередь, Одинцов озадачивает их вопросом, следует ли рассматривать верность как абсолютную ценность: «А если товарищ человека убил — я тоже молчать должен?» [Осеева 1978, с. 157]. Однако в итоге действия Одинцова получают одобрение Сергея Николаевича, и Васек Трубачев приходит к пониманию, что нужно заботиться не только о благе тех, кто близок, — забота должна распространяться на весь коллектив. Говоря словами из «Песни о дружбе», дружба — это своего рода «золотой запас», который нельзя безрассудно разбазаривать, но нельзя и слишком глубоко прятать²⁸. В итоге Васек просит прощения даже у своей властной и педантичной старой тетушки: «Вот и тебя я тоже обидел» [Там же, с. 202].

Согласно категориям просвещенной советской педагогики в том виде, в каком ее представляет Сергей Николаевич, «дружба» являлась составляющей всеобщей социальной гармонии, механизмом поддержания порядка, который сдерживал напряженность и предотвращал такие нежелательные проявления, как насмешки и физическое насилие. Именно этим духом пропитано маленькое нравоучение об отношениях между мальчиками и девочками, которое одна из школьниц опубликовала в стенгазете. Там девочка жалуется, что мальчики и девочки по большей части сторонятся друг друга и встречаются, только чтобы обменяться ехидными оскорблениями и глупыми нападками:

Многие мальчики говорят: «Мы, ребята, между собой всегда поладим — кому надо, и тумака дадим. А девочку за косу дернешь — и то она обижается; значит, с девочками и дисциплину подтянуть нельзя». А я считаю, что это неправильно, и тумака давать совсем необязательно, только с девочками надо разговаривать по-дружески, а не высмеивать их. Девочкам тоже не надо пересмеиваться и поддразнивать ребят, а у нас есть такие ехидные — это тоже неправильно. Мы

росли вместе, учились вместе с первого класса, давайте будем дружить. Я стою за дружбу девочек с мальчиками. Не надо никого обижать и пересмеивать.

Звеньевая Зорина [Осеева 1978, с. 97].

Обрисованный здесь тип упорядоченной и контролируемой дружбы мы встречаем и во внутренних переживаниях Мити, пионервожатого четвертого «Б» класса. Митя упрекает себя в том, что не проявил такой дружбы, а эта дружба помогла бы разобраться в ситуации и вернуть Ваську Трубачева в коллектив, как только тот почувствовал себя в классе «козлом отпущения». «Он сожалел, что раньше не пошел к Трубачеву и по-товарищески не поговорил с ним. В дружеском разговоре, один на один, всегда находятся такие простые и нужные слова. Тут и голос другой и глаза смотрят в глаза, прятаться и что-то скрывать делается невозможным» [Осеева 1978, с. 187]. В контексте литературы 1940-х гг., обращенной к детям и, в особенности, к старшим школьникам, понимание дружбы как инструмента самокритики было абсолютно общепризнанным: можно привести для сравнения пьесу Лии Гераскиной «Аттестат зрелости» 1948 г., где умного, но самодовольного Валентина Листовского необходимо усмирить, и на комсомольском собрании его друга Женю прорабатывают за то, что он первым не сделал этого [Гераскина 1962].

В таком свете неудивительно, что современный Осеевой литературный обозреватель видит в романе совершенно определенное *указание*. «Вопрос о том, как надо дружить, мало еще освещен в детской литературе, — заявляет критик (слегка, впрочем, заблуждаясь) — Поэтому достоинством книги В. Осеевой является то, что она высказывает хорошие мысли, имеющие большое воспитательное значение. Автор стремится показать, что жизнь школьного коллектива можно построить только на основе дружбы». Разбирая некоторые из описаний характеров, критик подробно останавливается на том, в чем видит нравственную суть романа [Левина 1948, с. 14].

В то же время идея «Васька Трубачева» гораздо сложнее. Дети в романе — и «хорошие», и «плохие» персонажи — видят суть дружбы *одинаково*, и только чужие — взрослые — считают такое понимание недопустимым. Таким образом, книга признает — хотя и косвенным образом — что в принудительной социализации есть «мы и они». Более того, идея добродетельной дружбы, которую исповедует «Васек Трубачев», достаточно противоречива. С одной стороны, с рациональной точки зрения близкая дружба видится как непроницаемая, непрозрачная, как место, где можно скрыться от

запросов общества, и потому как представляющая опасность. Неспроста любимым местом для Мазина и Русакова стала землянка, которую они обустроили себе в глухом лесу и изукрасили своими инициалами, отчего их излюбленное место напоминало бандитское логово. С другой стороны, дружба в романе приносит пользу именно оттого, что она *и в самом деле* находится вне пределов открытого мира, потому что с другом легче быть искренним и потому что не нужно сдерживать себя, обмениваясь знаками расположения. Иными словами, даже утверждая ценность «массовой» дружбы на весь коллектив, советские писатели оставляют место сдержанности в коллективе и откровенности в близких отношениях, и сентиментально придают последним статус абсолютной нравственной ценности (о чем говорит и идиллическое упоминание, в Митиных размышлениях, дружеского разговора как места, где «прятаться и что-то скрывать делается невозможным»). Скрытность безоговорочно воспринималась как зло, и в этом смысле личные отношения граничили с опасностью; в то же время признавалось, что чистосердечность возможна *в основном* между близкими друзьями при личном общении.

В историческом контексте такая интерпретация соединяла взгляды раннего Просвещения (например, Ламбер) и преромантизма (представленные, например, в драме Шиллера «Разбойники» («Die Räuber») или в романе Гете «Страдания юного Вертера» («Die Leiden des jungen Werthers»). Сходным образом статья, опубликованная в журнале «Костер» в 1946 г. и предназначенная для того, чтобы задать тему для обсуждения на пионерских слетах, поражает разнообразием примеров образцовых дружеских отношений. В числе таковых — не только дружба Ленина и Сталина (вершина дружбы), Маркса и Энгельса, Кирова и Кононова (в статье рассказывается, как Киров тайком пришел к телу погибшего Кононова, поцеловал его и взял обрывок окровавленного знамени, спрятанный на груди мертвого друга), но также и дружба между Орестом и Пиладом. Заявляя, что «партийная дружба» — это самая высокая форма отношений, статья подчеркивает и обусловленность этих отношений общими интеллектуальными интересами. «Дружба — это большое и сложное чувство. Дружат между собой только те люди, у которых много общих мыслей, стремлений и заветных желаний» [Расскажите на пионерском сборе 1946, с. 10–11]. Иными словами, в то время как взгляд на дружбу, предлагаемый детям, в общих чертах предполагал, что беспристрастное товарищество прокладывало дорогу

благородной привязанности, на другом уровне дружба виделась как «большое и сложное чувство», которое связывало людей на основании их личных интересов и взглядов. И это не было исключительно советское чувство (как утверждала Большая советская энциклопедия) — оно было универсально. Так же противоречиво, хотя и совсем по другим причинам, было отношение к антиподу «дружбы», а именно — к «любви».

ПОДГОТОВКА К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ: МЕСТО ЛЮБВИ В ПРОПАГАНДЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Несмотря на то, что трактовки детской дружбы и дружбы между взрослыми во многих аспектах удивительно походили друг на друга, основная идея «товарищества», когда речь шла о детях, часто несла эмоциональную нагрузку, которой не было в назидательных текстах для взрослых. В противоположность этому, любовь в смысле романтической привязанности между двумя людьми (а в советском официальном обсуждении темы это обязательно люди противоположных полов) в отношении текстов для детей представляла особый случай из-за дополнительного налета сексуального пуританства, который накладывался на изображения чувства в расчете на тех, кто считался не только юным, но и невинным. С начала 1930-х гг. детская сексуальность — и так всегда предмет неловкости и смущения в русской интеллектуальной культуре (и, конечно, не только в ней) — вообще перестала упоминаться²⁹. В итоге детей зачастую предостерегали об опасностях любви примерно теми же словами, которые использовали духовные наставники в восемнадцатом веке. Говоря словами из «Аттестата зрелости» Лии Гераскиной, «Настоящая дружба бескорыстнее и благороднее любви, она менее эгоистична» [Гераскина 1962, с. 43]. Важно отметить, что эти слова предостережения произносятся в диалоге между мальчиком и девочкой во время танца. Таким образом, извечный брачный ритуал сводится на нет, становясь удобным случаем для сентенций о превосходстве неромантических отношений.

Однако развитие истории таково: мальчик и девочка, о которых идет речь, все-таки влюбляются друг в друга и собираются пожениться. Как бы советский институт морали ни ставил целью предотвратить неподобающее поведение со стороны молодых людей, не менее важной его задачей была их подготовка к «нормальным» семейным отношениям, которые — в очередной раз с середины 1930-х гг. — в идеале понимались как основанные на крепкой

эмоциональной связи между мужчиной и женщиной и нацеленные на зачатие, вынашивание потомства и воспитание последующих поколений. Другими словами, сексуальная активность была так же существенна для советского идеала брака, как и для христианского, от которого этот идеал вел свое начало. Необходимость производить индивидов, пригодных для жизни в способной давать потомство моногамии, стала главной движущей силой как политики в области образования, так и идеологических высказываний на протяжении всей сталинской эпохи. Переход к раздельному обучению в школах вызвал немалое беспокойство, что выпускникам школ только для мальчиков и только для девочек будет сложно общаться с противоположным полом. Вот что корреспондент газеты «Известия» пишет в 1943:

Ведь речь идет не о том, чтобы воздвигать какую-то «китайскую стену» между мальчиками и девочками, и не о том, чтобы мальчики и девочки ходили по разным тротуарам, — речь идет лишь о раздельном обучении мальчиков и девочек. В этом главное. Нельзя себе представить, что с введением раздельного обучения не будет общения между мальчиками и девочками. Они будут вместе в пионерских домах, во внешних учреждениях, в театрах, на школьных вечерах и т. д. [Орлов 1943, с. 4].

Мы вновь видим здесь указание на безопасное, хорошо контролируемое пространство, где контакт между детьми возможен под наблюдением взрослых. Однако в сравнении с практиками дореволюционных средних учебных учреждений мальчикам и девочкам предоставляются достаточно широкие возможности для общения³⁰. Престижная московская школа для девочек, в которую мальчики не допускались никогда и ни под каким предлогом³¹, была здесь скорее исключением. Вообще же контакт между детьми противоположных полов поощрялся, по крайней мере, в ряде традиционных мероприятий, таких, как выпускной бал — традиция, которая в этот период получила широкое распространение.

В литературе же для детей дружба, переходящая в любовь и ведущая к браку, была широко распространенным явлением и хорошо иллюстрируется, например, популярнейшим романом Валентина Каверина «Два капитана» (награжденным Сталинской премией в 1943 и 1944 гг.) и, конечно, «Молодой гвардией» Фадеева. И в молодежном театре такие «скользящие» отношения стали характерной приметой времени. Помимо «Аттестата зрелости», можно упомянуть, например, пьесу В. Щеглова «Где сосны шумят», разрешенную к постановке в Ленинградском ТЮЗе в 1951 году. Пьеса строится на конфликте в эстонском поселке лесозаготовителей со

смешанным населением русских и эстонцев. Два молодых работника, Анти Ваклоу и Андрей Безбородов, оба влюблены в комсомолку Анну Сауко и к тому же соперничают в работе. Постепенно они проникаются уважением друг к другу, а Андрей набирается смелости и открывает свои чувства Анне. Пьеса заканчивается свадьбой Андрея и Анны под тосты «За рационализаторов лесозаготовки»; мы наблюдаем также и зарождение нежных отношений между Анти и Катериной Варну [Щеглов 1951]. Параллельно очевидной идее, что сентиментальная любовь имеет право на существование, если она ведет к браку, показано переплетение любви и «дружбы народов»: отношения в центре повествования скрепляют союз русских и эстонцев. В высшей степени *официальный* тип эмоционального союза аллегорически связывается с личными отношениями — само собой, одобренными статусом социального института.

В этом смысле любовь и в самом деле могла видаться (несмотря на моральную опасность, которую она представляла, если потворствовать ей ненадлежащим образом) как более позволительная, больше заслуживающая поощрения, чем дружба³². К примеру, советские публикации для детей не предлагали отрицательных моделей любви, хотя и демонстрировали некоторую нетерпимость по отношению к «любовничанью» (что иллюстрируют, например, кампании против альбомов с сентиментальными стихами, которые любили собирать некоторые старшие школьники). Вместо этого идеология рисовала единую форму целенаправленно развивающихся близких отношений, завершающихся браком, которые очень напоминали воплощение народных сказок. Как и в сказках, на долю этих отношений, как правило, выпадали препятствия сугубо внешнего характера, к тому же зачастую несущественные или надуманные. В результате, как это ни странно, советские дети могли получать доступ к материалу, который в британской или американской культурах считался бы слишком «взрослым» для их возраста³³.

ВЫХОДЯ ЗА ГРАНИЦЫ: НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОПЫТ ДЕТСКОЙ ДРУЖБЫ

Соб.: А что было интересного в школьной жизни?
Инф.: Дружба³⁴.

Мы подходим к вопросу, каким образом стереотипы поведения, выстроенные пропагандой, соотносятся с тем, как отношения привязанности понимались и практиковались детьми в реальной жизни. Главным источником информации здесь будет устная история — ма-

териал из подробных интервью, взятых в Санкт-Петербурге, Москве и других местах в рамках масштабного проекта, проведенного при финансовой поддержке Фонда Ливерхьюма. Информанты особенно охотно рассказывают о дружбе и личных отношениях (в отличие, скажем, от вопросов идеологии), и, как можно было ожидать, их свидетельства в значительной мере указывают на полный разрыв между идеальной дружбой, демонстрируемой пропагандой, и дружбой реальной. И в самом деле, бесконечные предостережения насчет «плохой дружбы», как и большая часть критических рассуждений в наставлениях вообще, указывают на распространенность модели поведения, которая подвергается критике. Многие (хотя, конечно, не все) классы разбиты на небольшие компании³⁵, и как внутри такой группы, так и в отношениях между ними дети зачастую видели «дружеское» поведение в готовности помочь в трудную минуту, или «выручателстве», которое так рьяно критиковал учитель в «Ваське Трубачеве». Полудиверсионные акции взаимопомощи — в частности, подсказки — имели повсеместное распространение³⁶, а дружба могла зародиться не только из взаимного уважения и разумного понимания общих интересов, но и по гораздо менее возвышенному поводу. Например, драка не всегда была лишь источником конфликта среди мальчиков — иногда она приводила и к союзу между ними. Так, в интервью, взятом в конце 2002 г., мужчина 1931 г. р., родившийся в Ленинграде, но башкир по этническому происхождению, вспоминает, как в 1945 г. он затеял драку с одноклассником, когда тот в качестве издевки свернул край своего пиджака в форму свиного уха (забавная деталь: сам обидчик был евреем). За это башкирский мальчик, как полагается, разбил обидчику нос. Этот инцидент, однако, привел не к вражде, а к крепкой дружбе между этими двумя мальчиками³⁷.

В то же время, в некоторых аспектах дружба между детьми действительно отвечала официальным стереотипам похвальных отношений. Например, часто дети (по крайней мере, девочки) вместе делали уроки (так вспоминает ленинградка 1931 г. р.³⁹):

А школьные вот эти вот, именно с послевоенных, с послевоенных лет вот такая дружба: Нина³⁸, Светлана, Таня, Сарочка, хоть она помоложе, но вот как-то вот. И сдружились и семьями, то есть, семьи подружились. Мы ж ходили в гости, ну вот тогда мы с Светланой и с Таней учились в одном классе, жили на Московском проспекте <...> а мы напротив на заводской территории <...>. Вот треугольник. Вот и бегали друг к другу. Уроки делали или тут, или там, или там.

О похожей «взаимопомощи» (на этот раз более общего плана) рассказывает и еще одна представительница ленинградского рабочего класса, выросшая в 1930-е:

Раньше если ты день, день-два не пришел, то моментально посылают. То есть, староста класса говорит: «Ну, девочки, кто может поехать, давайте, значит. Вот надо поехать». Кто близко живет, во-первых, кто-то. Мы же все в одном районе, так что это не надо было по городу мотаться. «Пойдите, выясните, почему нету такого-то». Вот, то есть, уроки, то, что задано везем. Вот так, вот это была такая вот. То есть это ни один ученик у нас не был вне внимания. Абсолютно это была вот дружная, хорошая классная ячейка. Вот такая. Мы все дружили, у нас таких вот: кто-то какой-то там отщепенец, кто-то наплевал на все дела. Если нужно — мы всем классом⁴⁰.

Формирующее влияние на детскую дружбу могло оказывать и более непосредственное вмешательство взрослых. Например, для советских учителей обычным делом было (как в романе «Васек Трубачев») разделить закадычных друзей, расставив их за разные парты в классе, а также постараться содействовать новому товариществу, сажая за одну парту очевидно чужих друг другу людей⁴¹. Классные руководители использовали и классные собрания, и пионерские сборы, чтобы порассуждать о дружбе вообще или же разобрать конкретные примеры отношений, нуждающихся в исправлении или заслуживающих похвалы⁴². Иногда применялись и более изощренные методы контроля. Так, в середине 1950-х гг. руководитель драмкружка в московской школе № 204 привлекла сюжет сказочной пьески, которую она репетировала с третьим классом (то есть с десятилетними детьми), чтобы дети раз и навсегда усвоили, как нужно дружить. Свои острые замечания она в первую очередь предназначала Рите и Володе, которые ссорились большую часть репетиции. В дневнике, в котором она отслеживала процесс, она вспоминает:

Об его ссорах с Ритой говорю как бы мимоходом, без нравоучения, но явно неодобрительно.

Спрашиваю: — Ты, кажется, опять поссорился с Ритой? Ответ: — Мы почти помирились, только иногда ссоримся.

— И вам это не надоело?

— Нет, ведь мы иначе не можем.⁴³

Такой явно неудовлетворительный ответ привел к затяжной переписке, в которой учитель без устали использует события из пьесы, чтобы вызвать Володю на объяснение их с Ритой отношений:

Дорогой Володя,

Мне понятно, почему тебе нравится роль петуха, но я никак не могу понять, почему ты ссорился с Ритой? Пожалуйста, напишите мне об этом. Жду ответа. В. Ширяева.

Дорогая Вера Григорьевна,

Мы с Ритой Давыденко ссоримся потому, что Рита Давыденко со мной очень хозяйничает, и мне это очень не нравится. Вот почему мы с Ритой в ссоре. До свидания. Жду ответа.

Дорогой Володя, ты прав. Когда товарищ начинает командовать, это неприятно. Но в таком случае надо убедить товарища, что он поступает неправильно, а не браниться и не драться. Как ты думаешь? До свидания. Жду ответа⁴⁴.

После продолжительной переписки Володя, как оказалось, оказался уступить («Вам видней, а я Вам скажу только вот что: что я никогда ничего не трогаю, а если это кто полезет на меня, то я сложа ручки стоять не буду»). Учитель решает дать властной Рите роль рассказчика в пьесе, с тем, чтобы она научилась говорить медленно и четко, а не просто громко и с нажимом. К сожалению, о результате, который подобный шаг возымел на детей, в отчете не сообщается⁴⁵.

Учителя предпринимали все возможное и чтобы контролировать отношения между мальчиками и девочками. Как только в 1955 г. в школы вернулось совместное обучение, 23 Февраля и 8 Марта прочно установились как «мужские» и «женские» школьные праздники (где девочки дарят подарки мальчикам, и наоборот⁴⁶). Однако даже в конце 1940-х и начале 1950-х гг. многие школы с разделением обучением старались организовать общение между мальчиками и девочками, и учителя и педагоги выражали недовольство, если в результате таких контактов сразу же не вспыхивали романтические чувства. Согласно критическому отчету инспекторов Академии образования, посетивших ряд московских школ в 1948 г.:

В школе № 19 решили связать свои вечера с соседней мужской школой. Встреча была неудачна: мальчики могли танцевать только фокстрот; не умели и стеснялись пригласить на танцы девочек. Одна группа мальчиков оставила после себя непристойные записки на стенах школы. Тогда девочки написали в эту школу через Райком комсомола протест и потребовали извинения от мужской молодежи, иначе, как они говорили, двери их школы будут для них закрыты. От мужской школы пришла федерация в 12 человек извиняться за недостойное поведение своих товарищей.⁴⁷

Интересно, что ответом со стороны директора школы на этот разгром был не запрет на встречи мальчиков и девочек, как можно было подумать, а отстаивание необходимости более тесного контакта (в первую очередь, интеллектуального характера) между представителями противоположных полов⁴⁸. Аналогичным образом женщина, родившаяся в Свердловске в 1931 г., а в 1940-е гг. — большой энтузиаст пионерских лагерей — сначала как пионерка, затем как помощник пионервожатого, вспоминает, что когда один из мальчиков — еще один помощник пионервожатого — стал за ней ухаживать, то общим мнением было, что она должна была его пожалеть. Никому и в голову не пришло, что мальчик должен был просто оставить ее в покое; следует добавить, что и сама жертва

непрошеного внимания даже не подумала об этом⁴⁹. С другой стороны, официальное пуританство могло просачиваться и в среду школьников: особо пикантный случай имел место в московской школе № 175, где пятиклассники, которым регулярно читали лекции о «девичьей чести», подняли шум, когда узнали, что у учительницы был поклонник. «То, что ... чему нас учили в школе, что ли, в истории и т. д., мы тут же прилагали это в нашей жизни»⁵⁰.

В то же время, романтические отношения строились не только и не столько на основе советов учителей и прочих «ответственных взрослых». Согласно воспоминаниям информантов, русская литература (прежде всего XIX в.) и сведения, почерпнутые у одноклассников, а также и непосредственное наблюдение за поведением взрослых, играли основную роль в формировании представления о таких отношениях. Первые контакты с противоположным полом в сталинскую эпоху нередко носили налет секретности. К примеру, информантка, родившаяся в Ленинграде в 1931 г., рассказывает, что основным местом для встреч с мальчиками были уроки бальных танцев, где запрещалось разговаривать, но где ученики проводили большую часть времени, обмениваясь любовными записками: «Вот тут начались безумные романы сразу»⁵¹.

Таким образом, в конечном итоге модели непосредственного опыта дружеских и романтических отношений все же имели некоторое сходство со стереотипами, предлагаемыми пропагандой. Стремление взрослых формировать такие отношения играло непосредственную роль, в первую очередь через влияние учителей, которые могли поощрять уже зародившиеся отношения, корректировать их или же вовсе им препятствовать. Собственное же представление этих людей о надлежащих моделях поведения, скорее всего, основывалось — прямо или косвенно — на дидактических текстах. Таким образом, эта связь между пропагандой и реальным поведением — пусть и приглушенного, преломленного характера — становится соединяющим звеном между идеологией и обыденной жизнью и покрывает пробел, на существовании которого порой настаивали исследователи 1930-х и в особенности 1940-х гг.⁵² Сама пропаганда, особенно начиная с конца 1940-х гг., становится более изощренной; она признает возможность отношений с более высокой долей душевного тепла, чем было позволено в раннюю советскую эпоху. Поэтому полагать, что дружба в реальном мире соприкасалась с официальными нормами поведения, только когда ее использовали как инструмент для наблюдения, было бы заблуж-

дением.⁵³ В то же время, сами дети зачастую рассматривали свои дружеские и романтические связи, или же некоторые их аспекты, как тайные. Такое восприятие порождалось дидактическими текстами, которые подчеркивали, что любые позволенные отношения должны развиваться под наблюдением взрослых — наблюдением, которого (особенно в случае романтической дружбы) и реальные дети, и герои литературных произведений, как правило, пытались избежать. Таким образом, в итоге складывается несколько парадоксальная ситуация: с одной стороны, это личные отношения, которые удивительным образом напоминают образцы, установленные в официальной литературе и, шире, в посланиях дидактического характера вообще; с другой стороны, эти отношения представляют и убежище от официальной культуры, альтернативный образ жизни.

Примечания

¹ Так говорит учитель в экранизации повести В. Осеевой «Васек Трубачёв и его товарищи» (режиссер Илья Фрэнк, 1955 год).

² Автор выражает благодарность Британской академии, Фонду Ливерхьюма (грант F/08736/A), Фонду Илчестера (Оксфордский университет) и Нью Колледжу (Оксфордский университет) за финансовую поддержку крупного исследовательского проекта «Детство в России: культурная и социальная история», на результаты которого опирается данная статья. Ссылки на интервью, собранные в рамках проекта, проведенного при финансовом содействии гранта Фонда Ливерхьюма, даны следующим образом: шифры «Oxf/Lev SPb-02» и «Oxf/Lev SPb-03» обозначают интервью, собранные А. М. Пиир в Санкт-Петербурге (работа по сбору подробных интервью проводилась с октября 2002 по март 2004 года; в результате были опрошены около 30 информантов разных поколений, выросших в семьях рабочих или в детских домах, а также учителя и представители других профессий, имеющих отношение к работе с детьми, которые работали в советский период). Шифр «Oxf/Lev M-03» относится к интервью, собранным Ю. С. Рыбиной и др. в Москве (работа по сбору подробных интервью проводилась с марта 2003 по ноябрь 2005 года, в результате опрошено около 30 информантов разных поколений, выросших в рабочих семьях, а также учителя и представители других профессий, связанных с работой с детьми, которые работали в советский период). Шифр «СКQ-Ох-03» относится к интервью, собранным К. Келли в Великобритании (опрошенные информанты — выходцы из разных городов России, большинство из них выросли в семьях госслужащих и интеллигенции); «СКQ-E-03» обозначает интервью, собранные в Екатеринбурге. При работе с каждым из информантов использовался опросный лист, состоящий из 68 пунктов при проведении общих интервью о детстве и из 46 пунктов при интервью с бывшими работниками в сфере воспитания и образования. Длительность каждого интервью — 3–4 часа; как правило, интервью проводились в два приема, по 1,5 часа каждый. Опросные листы были составлены К. Келли, затем переработаны ею в сотрудничестве с А. К. Байбуриным и А. М. Пиир. Я еще раз благодарю организации, способствовавшие осуществлению проекта, наших информантов, а также А. М. Пиир и А. К. Байбурина (оба — Санкт-Петербург), Ю. С. Рыбину и В. Г. Безрогова (оба — Москва) за их неоценимую помощь. Я также искренне благодарна Марине Самсоновой за перевод данного текста и за ценные замечания по ходу работы над ним.

³ Тема «советской субъективности» подробно изучалась на протяжении двух последующих десятилетий. См., например, [Lahusen 1997], [Halfin 2000], [Hellbeck 2006], [Paregno 2009]. Среди недавних работ по истории эмоций в России и Советском Союзе заслуживают особого внимания [Плампер, Шахадат, Эли 2010], [Steinberg, Sobol 2011]. О «закале» см. [Kelly 2002].

⁴ Более общее выражение этой идеи находим у Олега Хархордина [Хархордин 2002].

⁵ См., напр., [Келли 2010].

⁶ Далее об эмоциональных режимах для детей см. [Келли 2010].

⁷ См. [Kelly 2009, с. 3–18].

⁸ На самом деле, предложение это было оспорено церковным судом как «вредящее православию в Финляндии». Позднее попытки преследования лютеранских пасторов в Великом Герцогстве были обречены на провал из-за того, что возрастной порог для детей не был четко определен; см. [Dixon 2004, с. 13–14]. Подробный анализ религиозного воспитания детей см. в [Manchester 2008].

⁹ Рассмотрение этих положений представляет собой одну из самых интересных (хотя обычно и не получающую должного внимания) частей книги Филиппа Арьеса [Ariès 1960].

¹⁰ Более подробно я рассматриваю эту проблему в [Kelly 2008].

¹¹ Кроме того, «любовь», в эвфемистическом выражении «заниматься любовью», ассоциировалась и с физическим разрушением. Начиная с 1920-ых годов появляется обширная литература, где утверждается, что половые акты ослабляют волю — см., например, многочисленные работы А. Мендельсона, к примеру [Мендельсон 1924].

¹² Второе значение слова «товарищество» (после «совместного участия», которое обозначено как «устар.») — «близость, основанная на товарищеских отношениях»; «дружба» обозначается как «близкие приятельские отношения, тесное знакомство вследствие привязанности и расположения» [Ушаков 1936–1940, ч. 1].

¹³ Впрочем, не только в сталинский период: например, в фильме Леонида Эстрина и Игоря Ветрова «Голубая стрела» (1958 г.) есть такая сцена: «На крымском пляже техник-лейтенант Дудник по своему ротозейству выбалтывает любовнице время проведения испытаний новой модели реактивного истребителя. А женщина оказалась иностранной шпионкой» (<http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/y/1958/>).

¹⁴ В противовес утверждению в [Хархордин 2009, с. 13], согласно которому «советские официальные источники никогда не восхваляли дружбу: газета «Правда» не посвятила личной дружбе ни одной передовицы», существовала советская официальная литература, в которой дружба выступала как форма самокритики, как «профилактический» способ регулирования в коллективе. Вместе с тем, альтернативное понимание «дружбы» как отношений покровительства и покровительства подвергалось резкой критике.

¹⁵ Латинизированные термины «enmity» и «amity» передают эту связь лучше, чем «friend» и «enemy» — этимологически и морфологически далекие слова, хотя новое сленговое слово «frenemy» (друг, по отношению к которому испытываешь враждебность) так же хорошо соединяет оба понятия.

¹⁶ В своем трактате «Politiques de l'amitié» [Derrida 1994] Жак Деррида сосредоточивается как раз на этом парадоксе (являющемся, впрочем, скорее всего, результатом ошибочной интерпретации оригинала, который, как сейчас полагают, означает: «Есть много друзей, а нет ни одного друга»). В любом случае, идеалы дружбы вряд ли отражали реальность дружбы в древней Греции. [Dover 1970, с. 201–205] утверждает, что обыденные представления греков о дружбе отражают это явление в позитивном ключе: дружба понималась как сочетание сострадания, честности, самопожертвования, умения прощать, а также стремление избегать жестокости и

причинения боли. Дихотомия хорошей дружбы/плохой дружбы, кажется, не была настолько насущным вопросом.

¹⁷ Как в традиционном понимании термина «платоническая любовь». Согласно Оксфордскому словарю английского языка, термин этот известен в английском по крайней мере с начала семнадцатого века; самые ранние упоминания термина в русском языке датируются концом восемнадцатого века (по данным Национального корпуса русского языка www.ruscorpora.ru).

¹⁸ См. также [Сталин 1997, с. 92–93].

¹⁹ В более общем аспекте данное явление рассматривается в [Martin 2000, с. 348–367]; [Baiburin 2012, с. 59–76].

²⁰ Рассказы об Александре Матросове и роман «Молодая гвардия» были в любом случае — а возможно и по преимуществу — популярны в среде старших школьников. Это подтверждают материалы устных историй, например, СКQ-Oxf-03 PF8B, 15-16; Oxf/Lev M-03 PF4A, 6.

²¹ Некоторые газетные публикации середины 1930-х годов упоминают Мотю Потупчик среди школьных друзей Павлика, однако имя этого персонажа и ее родственные связи с героем, если и не роль в сюжете, воспроизводятся в знаменитом романе Валентина Катаева «Белеет парус одинокий» 1936 г., где главные герои — два мальчика — играют в прятки с двоюродной сестрой Гарика Мотей [Катаев 1951, с. 172]. Борьба за дружбу мальчиков и девочек продолжается и в более поздний период: см., напр., [О девчонках и мальчишках 1961, с. 1]:

«3. Нередко мальчика и девочку, которые дружат, дразнят ‘жених и невеста’. Как вы выступаете против этих дразнилок?

4. Защитил ли ты когда-нибудь девочку от обидчика?

5. Девочки! Каким, по-вашему, должен быть настоящий мужчина?

6. «Есть ли в вашем отряде девочки–‘заводилы’, ‘сорви-головы’, которые ничем не уступают мальчишкам?»

Как явствует из этой публикации, «дружба» совсем не основывалась на равенстве — как и в идеологии «дружбы народов» конца 1940-х гг., речь шла о сугубо асимметричных отношениях, в которых активной ролью считается мужская.

²² В качестве примера такого отрицательного образа «двора» в источниках 1940-х см. [Сыч 1948, с. 10], где сообщается о воплях кота, которого мучили во дворе, о детях, играющих там в войну (мальчики были в «штабе», девочки — в «полевом госпитале»), и о прочих мрачных «забавах» подобного рода, пока активный пионер не взял ситуацию в свои руки и не начал организовывать экскурсии в Таврический сад и т.п.

²³ См., например, [Александрова 1950, с. 10–11].

²⁴ См., например, [Никольский 1947, с. 11] (о «дружбе» московской школы и школы в Нальчике).

²⁵ О собаках см., например, газету «Пионерская правда» от 14 июня 1937 г., с. 4; там же, 20 июля 1937 г., с. 1.

²⁶ Ср., например, [Косов 1952, с. 3–10]. Фоном для восприятия учителя как идеальной патриархальной фигуры в советской послевоенной детской литературе (а также в литературе для взрослых, официальном искусстве и пр.) служил, конечно, дефицит авторитетных фигур-мужчин в реальной семейной и школьной жизни, вызывающий беспокойство у нескольких поколений писателей — ср., например, повесть И. Грековой «Вдовый пароход» [Грекова 1981], в которой из молодых людей, выросших на «пароходе», выходит мало проку. Соответственно, семья без отца считалась с нравственной точки зрения неблагополучной: см., например, знаменитое полотно Ф. П. Решетникова «Опять двойка» (1952 г.): из виньетки семейной жизни становится очевидно, что мальчика-хулигана воспитывают мать и старшая сестра.

²⁷ О традиции подсказки и роли, которую она играла, помогая и ученикам, и учителям справляться с завышенными требованиями унифицированной учебной программы, см. [Келли 2004].

²⁸ Интересно, имеет ли такое отношение к дружбе какую-либо связь с традиционным представлением о том, что «Господь Бог не умножает блага, а лишь распределяет их между людьми (ср. пословицу *Бог не гуляет, а добро перемеряет*). Он не может уменьшить или увеличить количество благ, но может кому-то дать больше, а кому-то меньше» (курсив автора. — К. К.) [Байбурин, Пиир 2008, с. 228].

²⁹ О периоде до 1917 года см. [Engelstein 1992]. В 1920-е годы появляется ряд относительно открытых работ о детской сексуальности (см., например, [Орлов-Скоморовский 1921]), однако эта тенденция так и осталась маргинальной, и даже казалось бы прогрессивные школы не включали сексуальное воспитание в свои образовательные программы. Более подробный анализ этого момента см. в [Келли 2012].

³⁰ В дореволюционных гимназиях, реальных и коммерческих училищах попытки осуществлять надзор за досугом детей приняли форму драконовских запретов на посещение различных «недозволенных» развлечений и т. д.; только после «Игнатьевских реформ» 1915 г. были приложены согласованные усилия, чтобы обеспечить формы «разумного досуга» в группах школ, да и то в основном для мальчиков (посредством скаутского движения, например); см. [Kelly 2008, гл. 12]. Отношения в советских школах 1940-х годов скорее напоминали мою школу для девочек в Лондоне 1970-х, чем российские дореволюционные школы.

³¹ Здесь идет речь о московской школе №175. Описание учебной программы и атмосферы в школе см. в СКQ-Oxf-03 PF1A-B (информант — женщина 1936 г. р.).

³² См. также [Богданов, Борисова, Мурашов 2008].

³³ Здесь я полагаюсь в основном на пример из 1960-х годов: В. Мухина [Мухина 1969, с. 341] фиксирует забавные замечания, которые отпускает один из ее близнецов, которому на тот момент было около 6 лет (дело происходило в конце 1966 или в начале 1967 года) после того, как оба мальчика посмотрели по телевидению фильм о любви. Однако можно найти примеры и из 1930-х, и из 1940-х годов, в частности, включение в школьную программу таких литературных произведений, как «Евгений Онегин». (Интересно в этом отношении и присутствие девочки лет 10 на балете «Анна Каренина» в Мариинском театре в марте 2012 г.: опять-таки, вряд ли материал показался бы образованным родителям британского ребенка этого возраста очень подходящим для детского зрителя). Необходимо отметить, что различие в проведении границы между уместным и неуместным для детей не ограничивается романтическими отношениями. Например, в «Ваське Трубачеве» встречается абсолютно обыденное упоминание того факта, что папа Саши Булгакова напился [Осева 1978, с. 14]: Сашина мать рассказывает сыну, как его отец выражал удивление и гордость за свою семью, и двенадцатилетний мальчик «снисходительно» отвечает: «Он уж всегда так, когда выпьет». Подобная сцена абсолютно невозможна в британской или американской книге для детей того времени, где пьяный мог бы появиться только в качестве пугающего персонажа.

³⁴ Oxf/Lev SPb-02 PF 7A. С. 56 (ж., р. Ленинград, 1931 г.).

³⁵ Вопрос «У Вас был дружный класс или он был разбит на компании?» был добавлен в опросный лист российскими партнерами. Обширную дискуссию о роли компаний см. в [Fürst 2010].

³⁶ Все наши информанты — люди самых разных поколений и различного социального происхождения — подчеркивают, что действительно, и подсказки, и шпаргалки в их классе были в ходу (эта информация нередко сопровождалась заговорщицким смехом).

- ³⁷ Oxf/Lev/SPb-O2, PF 8B. С. 20 (м., р. Ленинград, 1931 г.).
- ³⁸ Все имена изменены.
- ³⁹ Oxf/Lev/SPb-O2, PF 6B. С. 32 (ж., р. Ленинград, 1931 г.) Такое помнят и информанты других поколений: см. напр. Oxf/Lev SPb-03 PF 15A. С. 42 (ж, р. Ленинград, 1969: мальчик и девочка вместе делали уроки); СКQ Oxf-03 PF 10B. С. 10 (ж, р. Геленджик, 1975 г.).
- ⁴⁰ Oxf/Lev/SPb-O2, PF 3A. С. 66 (ж., р. Ленинград, 1931 г.).
- ⁴¹ В британской школе, насколько мне известно, так не делали — что тоже приводит к своего рода стрессам, например, если какой-нибудь ребенок окажется в ситуации изгоя («Мы не хотим сидеть с тобой рядом!»).
- ⁴² Например, в 1940-е годы довольно много времени в таких дискуссиях посвящалось вопросу «девичьей чести». См., например, СКQ-Oxf-03 PF1A. С. 3 (ж., 1936 г. р.).
- ⁴³ Ширяева В. Отчет о проведении обследовательской работы в 204-й школе в Москве (1954–55 уч. год). Российская Академия образования. Научный архив (далее РАО НА). Ф. 32. Оп. 1. Д. 539. Л. 229.
- ⁴⁴ Там же. Л. 230.
- ⁴⁵ Там же. Л. 230.
- ⁴⁶ Об этом см., например, СКQ-Oxf-03 PF8B. С. 14-15.
- ⁴⁷ «Внеклассная работа в школе», РАО НА Ф. 32. Оп. 1. Д. 160. Л. 41.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ СКQ-E-03 PF3A. С. 4.
- ⁵⁰ СКQ-Oxf-03 PF1A. С. 3–4.
- ⁵¹ СКQ-Oxf-03 PF5B. Р. 9.
- ⁵² См., например, [Зубкова 2003]; [Шлапентох 2003]. В [Fitzpatrick 1999, с. 3] автор сосредотачивает внимание на «ежедневном взаимодействии, которое каким-либо образом было связано с государством», которое, как она считает, «в основном исключает такие темы, как дружба, любовь, некоторые формы досуга и личного общения». Естественно, необходимо различать прямое и косвенное участие — дружеские и любовные отношения, в отличие от брака и отношений с детьми, не нужно было регистрировать в государственном учреждении, следовательно, они не имели легального статуса и были менее подвержены вмешательству на официальном уровне. Однако усилия, с задействованием пропаганды и агитации, уговорить и убедить индивидов строить такие отношения определенным образом представляли важный *вторичный* уровень вмешательства государства.
- ⁵³ Здесь я несколько дистанцируюсь от интерпретации «дружбы» Олега Хархордина, который подчеркивает прежде всего важность дружеских отношений в качестве неофициальной сферы деятельности.

Источники

- Александрова Е.* В дружбе с учителями // *Вожатый*. 1950. № 10. С. 10–11.
- Бабина А.* Как организовать досуг детей. Москва: Нар. ком. прос. РСФСР [и] «Работник просвещения», 1929. С. 7.
- Балан М.* Такая нужна дружба! // *Костер*. 1938. № 10. С. 73.
- Большая советская энциклопедия. 2-е изд. 1952. Т. 15. С. 238–239.
- Бродская Д.* Дневник Лиды Карасевой // *Костер*. 1938. № 6. С. 33–44; № 7. С. 38–48.
- Гайдар А.* Тимур и его команда. М.; Л.: Детгиздат, 1941.
- Геллер И.* Учебно-воспитательная работа 1-го Смоленского детского дома // Учебно-воспитательная работа в детских домах. Бюллетень. 1941. № 1. С. 66.

- Гераскина Л.* Аттестат зрелости (1948) // Пьесы. М.: Детгиздат, 1962.
- Грабинский И.* Дружеские советы молодому человеку, начинающему жить в свете. 2-е изд. М.: Университетская типография, 1765. С. 34–35.
- Грациан Б.* Придворный человек / пер. с франц. С. Волчкова. СПб.: Академия наук, 1742. Правила 31, 40.
- Грекова И.* Вдовый пароход // *Новый мир*. 1981. №5. С. 66–147.
- Губарев В.* Павлик Морозов. Симферополь: Крымиздат, 1949. С. 51.
- Журба П.* Друзья. Л.: Вторая типография Воениздата НКО СССР, 1942. С. 8.
- Ильина Е.* Переписка трех школьниц // *Костер*. 1936. № 4. С. 98–102.
- Калинин М.* О коммунистическом воспитании. М., 1947.
- Кассиль Л.* Дорогие мои мальчишки. М.; Л.: Детгиз, 1944.
- Катаев, В.* Белеет парус одинокий. М.; Л.: Детгиз, 1951. С. 172.
- Кондаков М. (ред.).* Семейное воспитание: словарь для родителей. М.: Просвещение, 1967. С. 321.
- Космодемьянская Л., Вигдорова Ф.* Повесть о Зое и Шуре. Ленинград: Лениздат, 1951. С. 113–114.
- Косов С.* Василий Андреевич // *Митина пятёрка*. М.-Л.: Детская литература, 1952. С. 3–10.
- Ламбер А.-Т. де.* Рассуждение о дружестве / пер. с франц. С. Смирнова. СПб.: При Императорской Академии наук, 1777.
- Мендельсон А.* Онанизм и борьба с ним (1924). 8-е изд. Л.: Ленинградская правда, 1930.
- Мухина В.* Дневник матери. М.: Просвещение, 1969. С. 341.
- Найденова Н., Булатов С.* Песня о дружбе // *Вожатый*. 1947. № 6, внутренняя обложка.
- Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru
- Никольский Л.* Дружба // *Вожатый*. 1947. № 10. С. 11.
- О девчонках и мальчишках // *Ленинские искры*. 25 ноября 1961 г. С. 1.
- Орлов А.* О раздельном обучении в школах // *Известия*. 1943. 10 авг. С. 4.
- Орлов-Скоморовский Ф.* Голгофа ребенка. М.: без изд., 1921.
- Осеева В.* Васек Трубочев и его товарищи. Т. 1. Л.: Лениздат, 1978.
- Разве в этом дружба? // *Костер*. 1938. № 10. С. 72.
- Расскажите на пионерском сборе. О дружбе // *Костер*. 1946. № 1. С. 10–11.
- Сперанский Г.* Уход за ребенком раннего возраста. 4-е изд. М.: Гос. медицинское изд-во, 1929. С. 129.
- Сталин И.* Речь на обеде в честь Финляндской правительственной делегации. 7 апреля 1948 г. // «Правда» 13 апреля 1948 г.
- Сталин И.* Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 92–93. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t16/t16_19.htm
- Сыч Н.* Во дворе нашего дома // *Вожатый*. 1948. № 5. С. 10.
- Толстой А. Н.* Золотой ключик, или приключения Буратино. Л.: Издательство детской литературы. Ленинградское отделение, 1936.
- Ушаков Д., Винокур Г.* Толковый словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1936–1940. Т. 1–4. URL: <http://ushakovdictionary.ru/>
- Щеглов В.* Где сосны шумят (1951). Машинописная копия. Театральная библиотека, Санкт-Петербург. С1 5-4-302.
- Lambert A.-T. de.* Traité de l'amitié. Paris: 1736.
- Montaigne Michel de.* De l'amitié // *Essais*, ed. A. Micha. Paris: Flammarion, 1969. Ch. XXVIII. P. 231–242.

Исследования

- Байбури А.* Этнографические заметки о языке и слове в русской традиции // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 386, 389.
- Байбури А., Пиир А.* Счастье по праздникам // Антропологический форум 2008. № 8. С. 228.
- Богданов К., Борисова Н., Мурашов Ю.* (ред.) СССР: территория любви. М.: Новое изд-во, 2008.
- Зубкова Е.* Советская жизнь, 194—1953. М.: РОССПЭН, 2003.
- Келли К.* «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в постсталинское время // Антропологический форум. 2004. №1. С. 10–155.
- Келли К.* Право на эмоции, правильные эмоции // Плампер Я., Шахадат Ш., Эли М. (ред.). Российская империя чувств. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 5–77.
- Келли К.* «Меня сама жизнь к жизни подготовила»: подростковый возраст в сталинской культуре. 2012. (В печати)
- Левина О.* «Васек Трубачев и его товарищи» // Вожатый. 1948. № 3. С. 14.
- Плампер Я., Шахадат Ш., Эли М.* (ред.) Российская империя чувств. М.: Новое лит. обозрение, 2010.
- Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Летний сад, 2002.
- Хархордин О.* Дружба: классические теории и современные заботы // Хархордин О. (ред.) Дружба: очерки по теории практик: сб. статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 1–23.
- Шлапентох В.* Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб.: Изд. журнала «Звезда», 2003.
- Ariès Ph.* L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Plon, 1960.
- Baiburin A.* "The Wrong Nationality": Ascribed Identity in the Soviet Union // Baiburin Albert, Kelly C., and Vakhtin N. (Eds.). Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism. London: Routledge, 2012. Pp. 59–76.
- Derrida J.* Politics of Friendship [translation of Politiques de l'amitié. Paris 1994] / Trans. George C. London: Verso, 1994.
- Dixon S.* Sergii (Stragorodskii) in the Russian Orthodox Diocese of Finland: Apostasy and Mixed Marriages, 1905–1917 // Slavonic and East European Review. 2004. Vol. 82 no. 1. Pp. 59–66.
- Dover K.* Greek Popular Morality. Oxford: Basil Blackwell, 1970. Pp. 201–205.
- Engelstein L.* The Keys to Happiness. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992.
- Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999.
- Fürst J.* Stalin's Last Generation: Soviet Youth and the Emergence of Mature Socialism. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Halfin I.* From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2000.
- Hellbeck J.* Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.
- Kelly C.* The Education of the Will: Advice Literature, 'Zakal' and Manliness in Early Twentieth-Century Russia // Clements Barbara, Friedman Rebecca, Healey Daniel (Eds.). Russian Masculinities in History and Culture. Basingstoke: Palgrave, 2002. Pp. 131–151.
- Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Haven: Yale University Press, 2008.
- Kelly C.* A Joyful Soviet Childhood: Licensed Happiness for Little Ones // Balina M., Dobrenko E. (Eds.) Petrified Utopia. London: Anthem Books, 2009. Pp. 3–18.

- Lahusen Th.* How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997.
- Manchester L.* Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. (Studies of the Harriman Institute). DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2008.
- Martin T.* Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Fitzpatrick S. (Ed.). Stalinism: New Directions. London: Routledge, 2000. P. 348–67.
- Paperno I.* Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009.
- Steinberg M. D., Sobol V. (Eds.).* Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011.